

УДК 1(091)

АНАЛИТИЧЕСКАЯ И СПЕКУЛЯТИВНАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ИДЕЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ¹

Б.Л. Губман

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается отношение англо-американской аналитической философии истории к традиции спекулятивного осмысления прошлого, сложившейся в формате классической мысли Нового времени. Анализируется основной набор критических аргументов, адресованных спекулятивным доктринам философии истории со стороны их оппонентов, придерживающихся аналитической платформы. Особое внимание уделено обсуждению вопроса о статусе спекулятивно-метафизических допущений в процессе историописания теоретиками нарративистского тренда в англо-американской аналитической философии истории. Движение ряда крупных представителей этого направления к осознанию допустимости и значимости «возрождения» спекулятивной философии истории внутри аналитической традиции рассматривается как существенная тенденция эволюции их воззрений.

***Ключевые слова:** спекулятивная философия истории, аналитическая философия истории, анализ исторических ситуаций, нарратив, возрождение спекулятивной философии истории, идея истории, историческое воображение, синтез философии и истории.*

Введение

Аналитическая философия истории, ставшая главенствующим направлением в англо-американском варианте трактовки специфики познания истории, возникла и развивалась в прямой оппозиции идее спекулятивно-умозрительного постижения целостности пути, пройденного человечеством. Эпистемологическое опровержение самой возможности построения всеохватывающих субстанциалистских схем истории составляет отправной пункт работы ведущих основоположников аналитической философии истории, которые так или иначе отдают дань уважения и признательности традиции позитивистского теоретизирования. При этом сразу же следует отметить, что в границах широко понимаемой англо-американской аналитической философии истории, которая на нынешнем витке её эволюции в значительной мере характеризуется нарративистской установкой, сложившейся, в основном, начиная с 60-х гг. минувшего XX столетия, под влиянием витгенштейниански инспирированного лингвистического поворота, присутствуют различные варианты развития, впитавшие идеи прагматизма и неопрагматизма, установки теоретизирования Р.Д. Коллингвуда, а затем и построения теоретиков постпозитивизма, герменевти-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века». № 17-33-00047.

ки, структурализма и постструктурализма и иных направлений современной мысли. Все это делает чрезвычайно актуальной проблему типологизации основных вариантов нарративистски ориентированной англо-американской философии истории. Одновременно в сложной амальгаме идей современной нарративистски ориентированной аналитической философии истории просматривается и набирающая силу тенденция размышлений о том, что повествование о минувшем несет в своей имманентной структуре определенные онтологические допущения. Историческое повествование не может состояться и без многослойных по своей структуре эпистемологических, логико-методологических, аксиологических, риторических и иных допущений, которые в зависимости от той или иной эпохи парадигмально упорядочены и по сути заставляют задуматься о проблеме предпосылочности воззрений на историю. Неустранимо реальной является и сопряженность историописания с наличным состоянием исторической памяти, взятой в том числе и в аспекте её политико-властной востребованности и регуляции. Вся эта совокупность обстоятельств заставляет представителей англо-американской аналитической философии истории всерьез задуматься о роли так называемых «спекулятивных» допущений в создании рассказа о прошлом. В произведениях значимых теоретиков этого направления начинает звучать тема «возрождения» спекулятивной философии истории в границах аналитической традиции, которая выглядит весьма значимой и заслуживает пристального внимания.

Аналитическая философия истории как альтернатива спекулятивной

Появление и дальнейшее развитие аналитической философии истории были связаны наиболее тесными узами с неопозитивизмом в вариантах логического позитивизма, а затем и лингвистической философии, породившей, начиная с 60-х гг. минувшего века, преобладание среди ее сторонников нарративистской установки, сплотившей самые разнообразные учения. Хотя аналитическая философия истории – явление по преимуществу характерное для Великобритании и США, сама её укорененность в базовых установках третьей волны позитивизма указывает на зависимость от тех представителей континентальной европейской мысли, которые, в силу политических и военных потрясений первой половины XX столетия, вынуждены были мигрировать на Британские острова или же поселиться по ту сторону Атлантики. После Второй мировой войны последователи этого направления историософского теоретизирования, в свою очередь, распространились по миру и активно работают в Европе, Австралии и Новой Зеландии.

Именно укорененность в стиле теоретизирования, предполагающем тщательную логико-эпистемологическую проработку того типа знания, который характерен для истории как особого рода дисциплины, отличает в целом труды авторов, декларирующих собственную приверженность аналитической философии истории. Отсюда и острое неприятие ими спекулятивно-умозрительного подхода к истории, который был специфичен для классической историософии Нового времени. Спекулятивная философия истории всегда была направлена на отыскание универсального смыслового содержания исторического процесса как некоторой целостности, что во многом обусловило её связь с концептуальными средствами, разработанными в формате клас-

сической европейской метафизики от Платона до Гегеля. Ведь разгадка универсального смысла истории как целого предполагала «прорыв» за грань неповторимой конкретики динамики вершащихся во времени событий социальной жизни с точки зрения определенных онтологических допущений. Поэтому полемика с спекулятивной философской установкой всегда была сопряжена для сторонников аналитической платформы с критико-негативной реакцией на сами основания европейской классической метафизической традиции. Постметафизическая тенденция, присущая неклассическому философскому теоретизированию в целом, ярко проявляется, таким образом, в сочинениях сторонников англо-американской философии истории.

Разрыв с классическими метафизическими построениями, как показывает история неклассической западной мысли, начиная с момента её зарождения в XIX столетии и вплоть до современности, всегда оборачивался тенденцией создания новой «критической онтологии», которая демонстрировала возможность некоторых допущений о существующем в границах критически принимаемых познавательных установок. Применительно к англо-американской аналитической философии истории это означало перманентные «рецидивы» выдвигания положений, носящих спекулятивно-умозрительный характер, рождаемых самой тканью исторического дискурса.

Рассуждая о задачах, которые ставят перед собой создатели спекулятивных историософских учений, один из наиболее авторитетных основоположников англо-американской аналитической философии истории У.Г. Уолш пишет: «Фундаментальный вопрос, которым были озабочены эти философы, может быть представлен в нашем утверждении, что они искали смысл и цель целостного исторического процесса... Как мы уже видели, достаточно легко критиковать подобный проект; и фактически эта программа была осуждена обоюдно практикующими историками (которые увидели в ней поле ликвидации их профессиональной деятельности), равно как и антиметафизическими философами (которые полагали её всецело нереализуемой). Но поднятая ею фундаментальная проблема – проблема, контурно очерчиваемая как смысл истории, – с очевидностью порождает постоянный интерес...» [17, р. 26–27]. В конечном итоге, как полагает Уолш, аналитические вопросы, сопряженные с логико-эпистемологическим рассмотрением специфики исторического познания, так или иначе неотрывны от интерпретации истории как процесса, влекущей за собой спекулятивно-умозрительные допущения, неустранимые онтологические проекции относительно изучаемой предметной области.

Как правило, аргументы представителей аналитической философии истории против спекулятивного историософского теоретизирования связаны с отрицанием возможности обнаружения целостного смысла истории на базе некоторого субстанциального принципа, который постулируется в качестве основания для постижения многообразия её событий. По сути, их неприятие субстанциализма как основы глобального историософского теоретизирования, уходящего своими корнями в неокантианский исторический номинализм, составляет основу полемики с традицией спекулятивного историософского мышления. Как историк, так и спекулятивно-субстанциалистски ориентированный философ истории, в понимании А. Данто, пытаются отыскать смысл исторических событий, но делают это по-разному. Историк, как бы он широко не мыслил, изучает некоторый срез прошлого в свете того, что случилось. Для

философа, исповедующего кредо субстанциалистского мышления, этого оказывается мало, ибо он, по мысли А. Данто, хочет охватить в своем тотализирующем видении даже еще несвершившееся будущее. «В отличие от тех, кто прочитал весь роман и с определенной уверенностью способен судить о значении тех или иных событий в нем, философ истории не обладает знанием всей истории. В лучшем случае он знаком с её фрагментом – всем прошлым. Однако он рассуждает в терминах всей истории и, опираясь только на известный ему её фрагмент, пытается, с одной стороны, открыть структуру всей исторической целостности, которую он экстраполирует в будущее, а с другой стороны, в свете этой целостной структуры установить значение событий прошлого» [6, с. 17–18]. Субстанциальное теоретизирование, согласно Данто, противоречит задаче строгого исторического мышления, осознающего смысл исторического события контекстуально, но без «забегания в будущее». Смысл любого события минувшего рождается в границах целостности контекста, который меняется. Субстанциальный подход, с его точки зрения, девальвирует контекстуальность, а вместе с этим и изменяет историзму в рассмотрении событий социокультурного мира.

В своей полемике против субстанциального мышления Данто по сути воспроизводит аргументацию, которая обнаруживается еще в 30-е гг. и становится широко известной в 40-е – 50-е гг. XX столетия в критике историцизма К. Поппера, хотя по его собственному признанию, делаемому без обоснования в «Философии истории», он не отбрасывает полностью историцистской установки [6, с. 268]. Критика историцизма, предложенная Поппером в «Нищете историцизма», а затем в книге «Открытое общество и его враги», притязала на противопоставление глобальных теорий исторического развития, в первую очередь построений Гегеля и Маркса, с точки зрения внутренней логической структуры такого рода мыслительных конструкций. Поппер, как известно, говорил о том, что историцистские конструкции опираются на холистическое и эссенциалистское видение общественного развития, поиск исторической необходимости, всеохватывающих законов исторического развития, результирующих в опасных в политическом плане утопических пророчествах грядущего, которые «следует отличать от обусловленных научных предсказаний» [8, с. 148]. Все эти черты подразумеваются Данто и иными представителями аналитической философии истории, когда речь заходит о субстанциалистском способе поиска единого смысла социального развития во времени. Одновременно современные представители аналитической философии истории предлагают более обстоятельное и системное эпистемологическое рассмотрение внутренней структуры исторического исследования, в ходе которого вновь и вновь встает вопрос о спекулятивно-умозрительном компоненте осмысления истории.

Детальная эпистемологическая рефлексия, вскрывающая имманентную структуру предложений исторического дискурса, неминуемо приводит к определенным критико-онтологическим допущениям относительно природы истории как специфического рода предметности, в которой свершившееся событие мыслимо лишь единстве с последующими, а значит, прошлое «прирастает» в свете отмирающих моментов настоящего, из которого мы взираем на минувшее. За констатацией этого обстоятельства неминуемо должна возникнуть мысль об экзистенциальных предпосылках, «высвечивающихся» в историче-

ском дискурсе. Сами события становятся историческими только в свете определенной принимаемой историком перспективы, т. е. предполагают включенность в интерпретативные горизонты видения, которые рефлексивно многообразны и определяют полифонию ракурсов осмысления минувшего различными субъектами. Наличие субъект-субъектных предпосылок видения истории, конфигурация которых конкретна и меняется во времени под влиянием открытости настоящего, провоцируемого непредвиденной событийностью, свидетельствует о том, что не может быть мировоззренчески беспредпосылочного историописания, точно так же как не может быть раз и навсегда заданной картины природы, которая бы не была парадигмально задана. Критика субстанциалистского абсолютизма в подходе к истории отнюдь не снимает вопроса о возможности мыслить её целостность сквозь призму различных мировоззренческих оснований, рефлексивно принимаемых онтологических допущений. Этот ракурс размышлений характерен для эволюции проблематики англо-американской аналитической философии истории.

От ситуационной аналитики к теории наррации

Фронтальная атака на спекулятивно-умозрительные историософские схемы имела своим результатом выдвигание на первый план в дискуссиях представителей англо-американской философии истории периода конца 40 – начала 60-х гг. XX столетия темы исторического объяснения. Сама по себе проблематика объяснения как базовой процедуры научного знания нашла свое наиболее полное воплощение в трудах К. Поппера и К. Гемпеля. Применительно к логике объяснения в историческом исследовании она была изначально сопряжена с поиском возможности утверждать применимость языка «единой науки» в сфере знания, отличающейся ориентацией на постижение уникальных и неповторимых событий минувшего. По сути, речь шла об обсуждении сюжета, который изначально муссировался в связи с рассмотрением стержневой для логического позитивизма линии анализа научного знания. Применительно к истории интерес англо-американских авторов к модели Поппера–Гемпеля был мотивирован тем обстоятельством, что при отказе от идеи субстанциального подхода к её целостности центр внимания философов должен был быть логически смещен на изучение возможности постигнуть в объясняющем регистре суть отдельных уникальных исторических ситуаций. Возможность объяснения событий и ситуаций путем обращения к генерализациям так называемых «охватывающих законов», равно как и проблематичность обнаружения таковых применительно к истории после отказа от субстанциалистского теоретизирования, стали стержневой тематикой аналитической историософии, породив к середине 60-х гг. устойчивое осознание необходимости смещения исследовательского фокуса на выяснение функциональной роли объяснения в широком контексте исторического повествования. На фоне идеи лингвистического поворота, инициированного философией Л. Витгенштейна, такого рода включение рассмотрения объяснения в горизонт изучения наррации стало необратимым (см: [5]).

В знаменитой статье «Функция общих законов в истории», опубликованной в 1942 г., Гемпель утверждал, что «общие» или «охватывающие» законы, вопреки часто распространенному мнению относительно ориентации исторического знания на неповторимое и единичное, широко применимы в со-

чинениях специалистов, приверженных его научной парадигме. Гемпель исповедовал убеждение, что «общие законы имеют достаточно аналогичные функции в истории и в естественных науках, что они образуют неотъемлемый инструмент исторического исследования и что они даже составляют общее основание различных процедур, которые часто рассматриваются как специфические для социальных наук в отличие от естественных» [3, с. 16]. При этом Гемпель первоначально на страницах этой статьи не проводил детального разграничения между строгими дедуктивными объяснениями и вероятностно-статистическими объяснениями, лишь частично затрагивая этот вопрос.

Исходя из идеала единой науки логического позитивизма, Гемпель полагал, что в историческом исследовании работает объяснительная схема, в соответствии с которой объясняемое, фиксируемое в фактуальном предложении, должно быть выведено из объясняющих посылок, состоящих из номологической составляющей, представленной «общим законом», который характеризуется в названной статье как «универсальная гипотеза», и конкретизирующего суждения, констатирующего наличие свойства, упомянутого в номологическом суждении как влекущего за собой определенное следствие. В ходе анализа, предложенного Гемпелем в этом произведении, под «универсальной гипотезой» понимались по преимуществу эмпирические законы, имеющие силу индуктивного обобщения. Поэтому у читателя сразу же складывается представление, что речь идет, конечно же, в основном о вероятностном объяснении, сопряженном с характером индуктивного обобщения, резюмируемого в эмпирическом законе. Такой ракурс сопоставительного анализа объяснения в естествознании и истории неслучаен: Гемпель сразу же исключает использование как в объясняющей части, так и в объясняемом отвлеченно-спекулятивных понятий философско-мировоззренческого толка. Точно так же, как при объяснении биологических организмов, нужно исключить ссылки на «энтелехию», в истории, например, на его взгляд, нельзя рассуждать об «исторической миссии» индивида или группы людей [3, с.19]. Поэтому он говорит о важности эмпирической проверяемости как «универсальных гипотез», так и пропозиций, описывающих объясняемое. Подобный подход изначально исключает возможность мировоззренчески окрашенных теорий исторического плана, предполагаемых ими объяснений на базе номологических суждений даже при условии критико-эпистемологических условий признания относительности их онтологических проекций.

Итак, гемпелианская аналитика исторического объяснения релевантна по преимуществу анализу исторических ситуаций. Она не ориентирована на постижение целостности исторической наррации, хотя многие соображения, изложенные этим автором, были впоследствии учтены при создании различных аналитических теорий повествования об истории. Ситуационность, по Гемпелю, связана с возможностью использования в истории эмпирических регулярностей номологического толка, заимствованных как из других дисциплин естественнонаучного и социального профиля, так и открываемыми самими специалистами в этой области. При этом он оставляет открытым вопрос о обнаруживаемых самими историками «общих» законах, их характере и особенностях, способах демаркации по отношению, например, к социологическим или экономическим регулярностям [3, с. 30]. В контексте проведенного им анализа Гемпель справедливо говорит о том, что обращение к законам скрыто

в контексте исторического повествования, оно как бы предполагается, ибо регулярности номологического толка «расшифровываются» в конкретике действия частной причинности. Эта тема впоследствии детально обсуждалась сторонниками аналитической философии истории как «объяснение через частную причинность».

Гемпель верно подметил, что исторические ситуации остаются открытыми с точки зрения полноты их объяснения. «То, что иногда называют полным описанием индивидуального события (такого как землетрясение в Сан-Франциско в 1906 г. или убийство Юлия Цезаря), требует утверждений обо всех свойствах, характеризующих пространственную область или индивидуальный объект в течение всего периода времени, в котором происходит рассматриваемое событие. Эта задача никогда не может быть выполнена полностью» [3, с. 18]. Конечно, при объяснении комплексных исторических ситуаций могут срабатывать многообразные номологические посылки. Весь вопрос состоит в конкретике их взаимосвязи, выходящей на различные контексты, которые потенциально открыты. В дальнейшем после написания анализируемой статьи уже в 1960-е гг. Гемпель сфокусировал свое внимание на разграничении дедуктивных и вероятностно-статистических объяснений, но не предложил детального видения их соотношения применительно к историческому познанию, признавая одновременно особенности и значимость экспликации прагматики действия субъекта во времени [14, с. 69–86]. Принимая существование различных стратегий интерпретации тех или иных ситуаций истории, Гемпель был отнюдь не склонен к их обстоятельному эпистемологическому анализу в силу их связи с разнородными метафизическими установками, которые по определению «выпадали» из спектра проверяемых утверждений о мире. Однако именно эта проблематика и была сопряжена с осознанием специфики наррации как способа познания мира.

Хотя Поппер и был более, нежели Гемпель, заинтересован спецификой исторического познания, его модель логики объяснения в этой сфере была близка гемпелианской при всех философских и логико-методологических расхождениях двух авторов. В силу критического неприятия историцизма во всех его формах и проявлениях Поппер также полагал центральным звеном аналитики исторического познания изучение способа объяснения исторических ситуаций. Сама модель объяснения понималась им уже в «Нищете историцизма» как получающая оправдание объясняемого и объясняющего в ходе не только верификации, но и фальсификации. Испытав значительное влияние неокантианства, Поппер, как отмечают многие исследователи его наследия, трактовал природу гуманитарных дисциплин во многом в духе идей Баденской школы и М. Вебера. Близка ему была и теория исторического воображения Р.Д. Коллингвуда.

Объяснение исторической ситуации Поппер связывал с реконструкцией рационального действия вовлеченных в нее субъектов. Он полагал, что социальные субъекты «действуют более или менее рационально; и поэтому можно построить сравнительно простые модели их действий и взаимодействий, используя эти модели как аппроксимации» [8, с.161–162]. Поппер был убежден, что история ориентирована на постижение единичного и уникального и, в силу этого обстоятельства, отлична от теоретических дисциплин, которые изучают общество. Следовательно, обращение историка к универсальным номо-

логическим суждениям выглядит вспомогательным средством для объяснения именно индивидуальных фактов, запечатлевающих определенные события. «Поэтому всякое причинное объяснение единичного события может считаться историческим в той мере, в какой «причина» описывается с помощью единичных начальных условий» [8, с.165]. Историк прибегает к объяснению через частную причину, «стыкуя» её с общими условием и следствием, содержащимися в номологической формуле. Эпистемологически такого рода объяснение требует особого рассмотрения, так, оно отлично, например, от естественнонаучного. Одновременно Поппер, подобно Гемпелю, полагает, что в тексте, описывающем историческую ситуацию, «общий» закон может присутствовать лишь имплицитно. В том случае, когда историк ссылается на нечто типичное, запечатленное в номологическом суждении, а не на раскрытие некоей случайности, объяснение, по Попперу, имеет дедуктивную структуру [8, с. 168]. Однако при этом типология должна была бы возникать не просто эмпирически, а в ходе теоретического рассуждения, которое по своему характеру в терминологии Поппера автоматически становится «историцистским», т. е. недопустимым. Правда, Поппер делает оговорку, полагая возможным для историка пользоваться социологическими типологиями, но при этом читатель его произведения неминуемо задаётся вопросом, на каком основании историк лишается права на обобщения.

История немислима без интерпретаций, т. е. определенных точек зрения на изучаемый сюжет. Само по себе обращение к этому вопросу выводит на постановку более широкой, нежели ситуативный анализ, проблемы познавательного статуса исторической наррации, неотрывной от постоянного возрождения спекулятивно-умозрительного подхода к минувшему. Поппер отлично понимал, что наличие точек зрения и интерпретативной составляющей неустранимо из исторического дискурса, но при этом не мог отрешиться от своей центральной миссии борца с историцизмом, который притязает на поиск единственно верной теоретической интерпретации истории [8, с. 174]. Вместе с правомерным отвержением историцистских притязаний на единственно правильное видение социокультурного развития Поппер изменяет плюралистической позиции, считая, что множественность интерпретаций истории, которые действительно парадигмально обусловлены и являются продуктом своего времени при всей их содержательности, не имеют доказательной силы естественнонаучных теорий, а значит, должны быть отвергнуты. Дальнейшее обсуждение проблемы исторической наррации в границах аналитической философии истории поставило под вопрос попперианскую нетерпимость к множественности интерпретационных стратегий истории.

Нарратив органически сопряжен с попыткой целостного повествования об определенном роде процессах социокультурного плана, вершащихся в пространственно-временных масштабах истории. У.Б. Галли замечает, что «нарратив является формой, которая выражает являющееся главным и характерным для исторического понимания» [13, р. 66]. Для этого значимого представителя нарративистского тренда в аналитической философии истории повествование изначально включено в ткань субъект-субъектных отношений, адресовано воспринимающему его потенциальному читателю. Читатель, вовлеченный в постижение адресованной ему истории, способной возбудить его интерес, следует её канве, погружен в целостность повествования. В этом смысле

«удачное историческое произведение демонстрирует некоторую аналогию одновременно с типом единства, характерного для саги, и с тем, что проявляется в сказаниях об Оресте и Якове» [13, р. 69]. Хотя нарратив безусловно является формой, резюмирующей историческое исследование, стремящееся в идеале к достоверному воспроизведению произошедшего, она всегда определяется позицией автора и в силу этого обстоятельства содержит в себе возможность более или менее масштабных умозрительно конструируемых онтологических проекций.

Нарративный тренд и тенденция «возрождение» спекулятивного теоретизирования в границах аналитической философии истории

Нарративная проблематика жестко доминирует в границах англо-американской философии истории, начиная с 60-х гг. минувшего XX столетия до настоящего времени, несмотря на то, что у нее есть довольно серьезные оппоненты, заявляющие, что, несмотря на её значимость, следует уделять не меньшее внимание историческим исследовательским процедурам, на базе которых может быть обеспечена объективность знания о событиях прошлого. Ведь нарратив как целое, как стало очевидно в ходе эпистемологических дискуссий, не может быть эмпирически проверен, а статус достоверности является оценочной характеристикой лишь индивидуальных суждений о минувшем. Так или иначе, именно нарратив – сегодня главная проблема аналитической философии истории, перерастающая в разработку темы повествования как особого способа познания, существующего наряду с синхронно-теоретическим постижением мира. Вместе с выдвиганием темы нарратива на авансцену методологической рефлексии вновь выходит обсуждение вопроса о присутствии и даже неустранимости спекулятивно-умозрительного компонента из исторических повествований.

Среди нарративистских построений, создаваемых в ключе аналитической историософии, можно провести определенные типологические различия по их философским истокам. Их, вне сомнения, роднит причастность к идейному наследию философии лингвистического анализа, фундамент которой был заложен Витгенштейном и развит Д. Остином, П. Стросоном, Д. Серлем, У. Куайном, Д. Дэвидсоном и др. Одновременно среди теоретиков нарративизма отчетливо просматриваются два крыла – последователей прагматизма и неопрагматизма, а также поклонников Р.Д. Коллингвуда. Прагматистская линия представлена именами М. Уайта, Р. Рорти, Р. Гронда, А. Топа, В. Тоцци, В. Колапьетро и др. Тезисы прагматизма и неопрагматизма звучат в работах А. Данто и Ф. Анкерсмита, хотя они считают себя приверженцами аналитической традиции в широком смысле этого слова. С коллингвудианской традицией ассоциируются имена У.Б. Галли, У. Дрэя, Л. О. Минка, Х. Уайта и др. Тенденция восстановления в своих правах момента спекулятивного теоретизирования прослеживается в целом в работах по-разному философски ориентированных авторов, разрабатывающих теорию исторического повествования. При этом, однако, акцентировка подачи проблемы варьируется у авторов, в наибольшей мере испытавших влияние прагматизма, и коллингвудианцев.

В целом обсуждение темы «возрождения» традиции спекулятивного историософского теоретизирования отнюдь не означает отказа теоретиков аналитической ориентации от ранее состоявшегося утверждения собственной

платформы как противоположной субстанциалистским конструкциям, ориентированным на постижение смыслового содержания динамики социокультурного развития человечества во времени. Скорее они хотят, используя, формулировку этой проблемы Г. Фэйном, заявить о «возрождении» момента спекулятивного историософского теоретизирования «в границах аналитической традиции»². Речь идет о признании значимости критико-эпистемологически обоснованных онтологических посылок постижения истории, которые демонстрируют свою неискоренимость из языка этой дисциплины, а также о том, что постижение минувшего идет в контексте субъект-субъектных отношений, продуцирующих различные проекции его видения, его по-разному ориентированные интерпретационные сценарии.

Среди теоретиков, стремившихся к строгому логико-эпистемологическому анализу исторической наррации, пожалуй, именно Данто принадлежит первенство в раскрытии неискоренимости определенных онтологических допущений из ткани повествования о событиях минувшего. Данто, как известно, обосновывая подобную позицию, опирался на идею «дескриптивной метафизики» П. Стросона. Его построения были во многом вдохновлены воззрениями Ч.С. Пирса, Д. Дьюи и К. И. Льюиса (см.: [2; 4]). Критически оценивая исторический презентизм Ч. Бирда, Данто не отрицал предложенный им подход к истолкованию взаимосвязи истории и современности. Отправляясь в своем анализе исторической наррации от рассмотрения присутствующих в ней индивидуальных предложений, Данто пришел к выводу, что фиксируемое им событие минувшего при всей его неизменности, констатированной еще Пирсом, несет своеобразные смысловые «приращения», ибо сопряжено с чередой последующих событий, видимых сквозь призму настоящего (см.: [16]). Данто подмечал инструментализм исторического познания в духе Дьюи, говорил о неминуемой проекции не только представлений настоящего на минувшее, но и концептуального аппарата, запечатлевающего прошлое, на настоящее. Он подчеркивал роль теоретической установки историка при создании целостности исторического нарратива. Еще одним шагом к осознанию значимости спекулятивно-умозрительного, мировоззренческого компонента исторического знания стало освоение им содержания теории парадигмального развития научного знания Т. Куна. Читая Куна, Данто пришел к заключению, что история также должна рассматриваться в своем формировании в культурно-мировоззренческом парадигмальном плане [11, р. 72]. Такой ракурс видения исторического повествования неминуемо означал трактовку его формирования в рамках субъект-субъектных отношений. Финальным аккордом творчества Данто стало признание им экзистенциальной обусловленности творчества историка, что позволило Ф. Анкерсмицу рассмотреть его наследие как вариант «аналитической герменевтики».

Хотя реабилитация возрождения роли спекулятивного теоретизирования в границах аналитической традиции имеет место и в работах поклонников

---

² Г. Фэйн полагал возможным написать философски осмысленной истории и совершенно неправомерным на основании ошибок прошлого заключать, что «спекулятивная философия истории является либо псевдоисторией, либо противоречием в определениях» [12, р. 232].

прагматизма, наиболее полно она реализовала себя в коллингвудиански ориентированных нарративистских концепциях. Причина этого обстоятельства, по всей видимости, заключается в том, что коллингвудианская «идея истории» неминуемо предполагает нормативное стремление находящейся в процессе непрерывной саморефлексии исторической мысли ко все более полному воспроизведению смысла исторического процесса в многообразии его интерпретаций. При этом, конечно, подобный подход означает, что история не пишется «с чистого лица», а историография в её временной динамике запечатлевает искания исторического сознания, которые обретают все новые и новые формы. Этим коллингвудианским пафосом проникнуты построения Г. Фэйна, У.Б. Галли, Л.О. Минка, Х. Уайта и других авторов.

Фэйн, не отвергающий значимости для развития аналитической философии истории наследия прагматизма, все же полагает важным во имя «возрождения» спекулятивной проблематики в границах этого учения не только обратиться к линии размышлений Кроче и Коллингвуда, но и вспомнить о Г.В.Ф. Гегеле, давшем изначальный импульс размышлениям неогегельянцев о характере историописания. Именно Гегель, как акцентирует Фэйн, предложил в предисловии к «Философии истории» замысел написания «философской истории». И хотя ему не суждено было реализоваться ни в этом труде, ни в иных сочинениях этого мыслителя, проект синтеза философской рефлексии и постижения истории, намеченный Гегелем, вдохновлял не только неогегельянцев, но и остается вполне актуальным для современности. «Я утверждаю только, что не существует причины, согласно с которой спекулятивная философия истории не может быть одновременно хорошей философией и хорошей историей, хотя я готов признать, что многие из созданных ранее содержали одновременно худшую философию и худшую историю... Нет ничего плохого в том, что философ становится вовлеченным в историю и историк пытается мыслить философски об истории»[12, р. 232], – заключает Фэйн.

Этого автора, хорошо знакомого с критикой различных субстанциалистских схем истории, совсем не пугает перспектива многообразия интерпретаций минувшего. «Философская история, – пишет он, – история самосознания, созданная авторами, мучительно стремящимися оправдать единства референции собственных особых нарративов, их нарративную организацию исторического материала. Оправдание может производиться на двух уровнях – через открытую аргументацию и избранную нарративную историю. Зачастую аргументы появляются в начале нарративного повествования, и референция дается по отношению к ним на протяжении такового. “Закат Европы” Шпенглера, “История цивилизации в Англии” Бокля и «Изучения истории» Тойнби парадигмальны в этом отношении. Иногда, конечно, главная аргументация автора дана в другом месте, и сама по себе “философская история” содержит лишь эхо и отзвуки аргументов. Хорошим примером в этой связи служит “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”» [12, р. 233]. В последнем случае философским комментарием служат историософские воззрения Маркса в целом, суммированные в предисловии к третьему немецкому изданию его труда Ф. Энгельсом. Изложив таким образом свою позицию, Фэйн подчеркивает, что многообразие нарративных перспектив отнюдь не опровергает аналитическую платформу, просто соответствует практике историографии, предполагающей многообразие нарра-

тивных способов видения прошлого в динамике времени. Главное – понимание ограниченности любых онтологических проекций и стратегий историопи- сания как моментов динамики исторического самосознания.

По сути, с Фэйном солидарен и Галли, также ссылающийся на кол- лингвудианские представления, равно как и на построения теоретиков Баден- ской школы неокантианства, обосновывая собственное видение наррации и предполагаемых таковой онтологических проекций. Галли делает центральной идеей своей трактовки исторического повествования представление о его ор- ганизации как ориентированной на потенциального читателя, для которого главное – следование сюжетно-смысловой канве рассказа о определенной цепи событий. Таким образом, само желание рассказать связную историю помещает её автора в ситуацию диалога с потенциальным читателем. Именно он с инте- ресом должен внимать рассказчику, подвигая последнего к стремлению пред- ложить органическую целостность повествования о свершившихся в опреде- ленном пространстве и времени событиях. Канва повествования, создаваемая воображением рассказчика, ориентирована на читателя как осваивающего её в единстве описываемых необходимых и случайных характеристик [13, р. 33]. Этим оно отличается от организации естественнонаучного теоретического текста, выявляющего по преимуществу предполагаемо существенных и необ- ходимых характеристик описываемого предметного поля.

Для Галли, как для Коллингвуда, история, равно как и наука, а также иные формы культуры, всегда неотрывна от определенных метафизических предпосылок мировидения. Он подчеркивал, что Коллингвуд отверг обычную метафизическую практику заключения метафизики в дедуктивную систему. «Совсем напротив, сообразно с его видением, поскольку история по сути от- крыта в перспективе финала, сущностно историческая функция метафизики такова, что никогда не может быть завершена» [13, р. 215]. Соответственно применительно к области истории онтологические проекции, обслуживающие нарративные построения, будут всегда культурно-исторически обусловлены и созвучны запросам времени. Сама наррация обусловлена в финальной инстан- ции коллингвудиански интерпретируемой идеей истории, позволяющей впи- сывать каждое новое повествование в существующую панораму всемирной истории, обогащая тем самым представления о её смысловом наполнении. «Единый исторический мир, как я хотел бы предположить, является интеллек- туальным идеалом или средством, который существенен для практики исто- рии, как она нам известна; но его расположение, если следует указать на тако- вое, находится в головах, поскольку соответствует надеждам историков. Гово- ря более точно, единый исторический мир – это идея без определенного де- скриптивного содержания, и, конечно же, это совсем не эмпирическая идея» [13, р. 59]. Галли полагает возможным сравнить подобное звучание идеи с кантовским её пониманием, трактуя таковую как приложимую не только к предметности внеположенного естественно-природного универсума, но и к реалиям определенных в конкретике времени и пространства свершившихся человеческих деяний.

В схожем с Галли духе трактует и возвращение спекулятивного компо- нента в границах аналитической философии истории Л.О. Минк. Для него единство эпистемологического и метафизического аспектов постижения исто- рии задано уже тем обстоятельством, что прошлое не дано для постижения как

существующий объект, а, следовательно, всегда проблемно по своему статусу для обращающегося к нему исследователя [15, р. 153]. Минк полагал, что спекулятивно-умозрительный компонент всегда сопутствует историческому повествованию, так как оно не может вестись беспредпосылочно и опирается на определенный концептуальный аппарат. Отсутствие заинтересованности во введении нового концептуально-теоретического освоения истории, с его точки зрения, способно только обеднять практику исторического исследования. «На кону, можно сказать, возможность концептуального обеднения истории как продолжающейся деятельности. Историки довольно часто рисковали, настаивая, что история “нетеоретична” и озабочена лишь особенным и “уникальным”... В той мере, в какой историки преуспели в освоении новых понятий, даже имплицитно, философы истории будут весьма рады указать им, что они сделали» [15, р. 162]. Среди своих современников, указывавших на неустранимость метафизических проекций из практики историописания и даже приветствовавших появление спекулятивно окрашенных сочинений, притязующих на постижение смысла истории, Минк называет имена Г. Фэйна, П. Мюнца и Х. Уайта. Однако, конечно, главным вдохновителем его убеждения в неустранимости спекулятивно-умозрительного компонента из исторической наррации является Коллингвуд.

Обращаясь к специфике исторической наррации, Минк отмечает, что ее отличительными характеристиками являются целостная упорядоченность повествования сообразно с избираемой автором точкой зрения на описываемые реалии и его сюжетной канвой. Хотя историческое повествование по своим формальным характеристикам и похоже на художественное, оно притязает на постижение реально случившегося. И этому не мешает то обстоятельство, что как целое, пусть и включающее верифицируемые на базе источников суждения, исторический нарратив принципиально непроверяем. Все дело в том, как полагает Минк вслед за Коллингвудом, что историк подчинен в своих нарративных построениях идеалу их согласования с картиной всемирной истории. Понятие всеобщей истории отнюдь не исчезло из исторического сознания как устаревшее на фоне критики субстанциализма в постижении истории. Ушло в прошлое, на его взгляд, лишь понятие универсальной историографии. «Тем не менее, – замечает Минк, – идея, что прошлое само по себе является нерасказанной историей, ушла с арены сознательной веры и спора, чтобы стать предпосылкой в области нашей априорной установки, которая противостоит открытому выражению и изучению. Сказать, что мы все еще предполагаем в качестве аргюмента понятие всеобщей истории, означает: мы полагаем, что все ранее произошедшее принадлежит одной и обусловленной области неизменной актуальности» [15, р. 194]. Отвергая возможность единого исторического описания минувшего, мы, как справедливо констатирует Минк, утверждаем саму целостность такового. Именно в этом виде в историческом сознании и присутствует идея всеобщей истории, не отрицающая плюрализма повествований о прошлом.

Воззрения друга и коллеги Минка Х. Уайта развивают его взгляд на неустранимость спекулятивно-умозрительных проекций из исторической наррации. Эта линия рассуждений Уайта сопряжена с его рассмотрением многослойной природы исторического дискурса, которая вершится в полемике с структуралистскими представлениями о нем как по преимуществу идеологи-

ческом феномене. Уайт склонен к видению исторического дискурса как изначально отмеченного печатью intersubjectивного взаимодействия, ориентацией на сообщество коммуницирующих субъектов. Наряду с логико-познавательной функцией нарративный дискурс справедливо представляется ему несущим в себе эстетическую и риторическую составляющие, которые сплетены вместе в схватывании смысла исторических событий. «Эта функциональная модель дискурса придает в равной мере логике, поэтике и риторике статус “кодов”, в которые отливаются и транслируются различные типы “сообщения” с их различными целями: коммуникативными, экспрессивными или же волевыми в зависимости от обстоятельств. Эти цели ни в коем случае не являются взаимно исключающими; конечно, каждый дискурс может быть рассмотрен как обладающий аспектами всех этих трех функций. И это проявляется как в “фактуальном”, так и в “художественном” дискурсе» [18, р. 17]. Исторический нарративный дискурс понимается Уайтом как содержащий в себе множество слоев познавательного, эстетического и риторического плана, «считывающихся» при семиотической характеристике через коды, которыми обладает читатель (см.: [7; 9]). В познавательном плане отдельные его предложения предстают верифицируемыми, на статус объективности могут притязать и цепи исторических объяснений, хотя Уайт, подобно Минку, Галли, Данто и другим аналитикам, полагает, что в целом нарратив непроверяем. Форма исторической наррации, на его взгляд, заставляет говорить о том, что сам сюжет и композиция рассказа историка о событиях минувшего порождают различные грани осмысления прошлого. Поэтому спекулятивный компонент, онтологические проекции – итог самого смыслового развития исторического повествования, которое вполне может в зависимости от своих задач содержать в себе философско-мировоззренческие конструкции, притязающие на глобальное звучание.

Ф. Анкерсмит, воспринявший в целом рортианскую трактовку значимости лингвистического поворота, а также испытавший влияние Х. Уайта, которого он видит ведущей фигурой аналитической философии истории, полагает, что уайтианское риторическое по своей основе видение концептуализации истории основывается на теории продуктивного воображения Канта по преимуществу в его интерпретации в перспективе третьей критики. Кантовское понимание реализации рефлексивного суждения, которое никогда до конца не способно схватить прекрасное, по мысли Анкерсмита, во многом похоже на процесс концептуализации исторического материала в его трактовке Уайтом. «Факты не детерминируют теории, как мог бы сказать Куайн. И в истории цель никогда не достигается, поскольку вся история движется в логическом пространстве до успешной концептуализации. Если бы универсально приемлемая концептуализация была достижима в исторических сочинениях, мы бы автоматически покинули сферу историописания и переместились в область отношения к миру в обыденной жизни – с её яблоками, собаками и т. д., – где вещи обладают фиксированностью, которой им не достает пока мы делаем историю» [10, р. 43]. Рассуждая таким образом, Анкерсмит не только «высвечивает» специфику кантианского основания теории исторического воображения Уайта, но и раскрывает источник собственного учения о нарративной субстанции (см.: [1, с. 165–172]). Для него, как и для Уайта, критика условий исторической наррации отнюдь не возбраняет введения понятий, несущих в себе

определенные широкие обобщения и онтологические проекции. Спекулятивно-умозрительные обобщения, позволяющие обрести смысловое наполнение значимых звеньев панорамы истории, вполне мирно уживаются с аналитической теорией наррации.

Задумываясь о неистребимости метафизического компонента историческим, Уайт обращается к экзистенциально-герменевтической перспективе. П. Рикёр, на его взгляд, убедительно показал, что само по себе бытие человека во времени является основанием наррации как формы миропостижения. Отнесенность исторического повествования к явлениям, произошедшим во времени и затрагивающим сегодня рассказчика, делает наррацию неотделимой от её экзистенциальных оснований. Время и мистерия открытости будущего, как показал Рикёр, на взгляд Уайта, демонстрируют метафизический фон любого повествования об истории. Рикер представляется Уайту теоретиком, который видит бытие человека во времени финальным референтом исторического повествования, фиксируя его аллегорически в символической форме. «Рикёр не стирает различия между литературой и историографией, за что я подвергался обвинениям, но он не прорабатывает линию различия между ними, настаивая, что обе они принадлежат к категории символических дискурсов и разделяют общий “финальный референт”. Свободно утверждая, что история и литература отличны друг от друга с точки зрения их непосредственных референтов (*Bedeutungen*), которые являются соответственно “реальными” или “воображаемыми” событиями, он подчеркивает, что в той мере, в какой они обе производят сюжетные истории, их конечный референт (*Sinn*) – это человеческий опыт времени или “структур темпоральности”» [19, p. 175]. Под влиянием Рикёра Уайт полагает возможным видеть исторический нарратив как инструмент постижения прорыва человека из мира природы в царство культуры, постоянного переосмысления единства и множественности культурно-исторической традиции.

Выводы

Аналитическая философия истории сложилась в резкой оппозиции по отношению к спекулятивно-умозрительным субстанциальным теориям исторического развития, характерным для классической философской мысли Нового времени. Появившись первоначально в облики критической эпистемологии исторического познания, выдержанной по преимуществу в духе установок логического позитивизма с его ориентацией на утверждение языка единой науки, аналитическая философия истории в 60-е гг. XX столетия под воздействием лингвистического поворота, инициированного Л. Витгенштейном, сфокусировалась по преимуществу на рассмотрении исторической наррации формирующих её компонентов. Первоначально, в 40–50-е гг. минувшего века, способом борьбы с спекулятивной философией истории стало утверждение значимости анализа отдельных исторических ситуаций и экспликации поведения их участников на базе модели К. Поппера–К. Гемпеля. Подобный подход был ориентирован на борьбу с любыми рецидивами спекулятивно-метафизического теоретизирования в области познания истории, которое должно было избавиться от тотализирующих философских конструкций и следовать модели языка единой науки. В ходе обсуждения проблемы ситуационного анализа в историческом познании стало очевидным, что оно немисли-

мо вне более широкого взгляда на изучаемые исторические явления и процессы, столкновения подходов к их рассмотрению, многообразия интерпретаций в свете контекста всеобщей истории. Именно поэтому интерес представителей аналитической философии истории постепенно сосредоточивается на рассмотрении исторической наррации. В границах её обсуждения вызревает тема возможности обсуждения спекулятивной историософской проблематики в границах аналитической философии истории.

Нарративистские историософские аналитические концепции по преимуществу складывались в русле влияния прагматизма и неопрагматизма, а также коллингвудианского наследия. Вне зависимости от доминирующего влияния прагматизма или коллингвудианства в их пределах наблюдается интерес к «возрождению» наследия спекулятивной мысли в пределах аналитической традиции. А. Данто в своем рассмотрении наррации заговорил о значимости предложенного П. Стросоном дескриптивно-метафизического подхода, позволяющего увидеть за предложениями, описывающими прошлое, определенные онтологические проекции, характеризующие отношение события к историческому времени. Позднее он пришел к заключению о парадигмальности исторического знания, его исторической обусловленности и даже экзистенциальных истоках. Ф. Анкерсмит предположил, что историческое повествование немислимо вне таких понятийных конструкций, как нарративные субстанции, задающие онтологические проекции, которые ситуируют события истории в реалиях времени. Наиболее активно тема «возрождения» спекулятивной историософии в границах аналитической платформы звучит в произведениях коллингвудиански ориентированных авторов. Если Г. Фэйн заявил о возможности и значимости создания философски окрашенных исторических сочинений, вписывающихся в целом в панораму размышлений о всемирной истории, то У.Б. Галли, развивая собственный взгляд на наррацию о минувшем как всегда предполагающую потенциального читателя и полилог мнений, настоятельно призвал вновь осознать и переосмыслить представления Коллингвуда о идее истории. В своей теории исторической наррации Л.О. Минк рассмотрел историческое повествование как несущую смысл целостность, организованную не только в познавательной плоскости, но и с точки зрения сюжетного построения. Такая перспектива позволила ему также указать на неустранимость философско-мировоззренческих обобщений из исторических повествований, априорно устремленных к воспроизведению неисчерпаемой полноты всемирной истории. В этом отношении с ним вполне солидарен и Х. Уайт, создавший видение исторической наррации как поливариантного процесса организации рассказа о прошлом, имеющего не только логический, но и эстетико-поэтический, риторический и иные измерения. Наличие спекулятивно-умозрительного компонента наррации о минувшем заключается для него в первую очередь в том, что её финальным референтом выступает бытие человека во времени.

Список литературы

1. Аванесян А.А. Нарративная логика Ф. Анкерсмита как попытка построения аналитической теории исторического познания // Вестн. Твер. ун-та. Сер. «Философия». 2018. № 2. С. 165–172.

2. Ануфриева К.В. А. Данто: наррация и исторические миры // Вестн. Твер. ун-та. Сер. «Философия». 2018. № 2. С. 144–156.
3. Гемпель К. Функция общих законов в истории // Гемпель К. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. С.16–31.
4. Губман Б.Л. А.К. Данто и П. Рикёр: Повествование как способ познания истории // Философские науки. 2018. № 10. С. 143–159.
5. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Лингвистический поворот и история в философии Р. Рорти // Вестн. Твер. ун-та. Сер. «Философия». 2017. № 2. С. 165–177.
6. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 290 с.
7. Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века // Диалог со временем. Вып. 24. М.: Едиториал УРСС, 2008. С. 5–34.
8. Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 186 с.
9. Потамская В.П. Риторика и тропология в философии Х. Уайта // Вестн. Твер. ун-та. Сер. «Философия». 2018. № 1. С. 219–226.
10. Ankersmit F. White's «New Neo-Kantianism»: Aesthetics, Ethics, and Politics // Re-Figuring Hayden White. Ed. by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University Press, 2009. Pp. 34–53.
11. Danto A. The Decline and Fall of the Analytical Philosophy of History // A New Philosophy of History/ Ed. by F. Ankersmit, H. Kellner. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 70–88.
12. Fain H. Between Philosophy and History. The Resurrection of Speculative Philosophy of History Within the Analytic Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1970. 329 p.
13. Gallie W.B. Philosophy and the Historical Understanding. N.Y.: Schocken Books, 1968. 236 p.
14. Hempel C. G. Studies in Science, Explanation, and Rationality. Ed. by J.H. Fetzer. Oxford: Oxford University Press, 2001. 423 p.
15. Mink L.O. Historical Understanding. Ed. by Fay B., Colob E.O., Vann R.T. Ithaca; London: Cornell University Press, 1987. 294 p.
16. Tozzi V. Dewey, Mead, John Ford, and the Writing of History. Pragmatist Contribution to Narrativism // European Journal of Pragmatism and American Philosophy [Online], VIII-2, 2016. URL : <http://ejpap.revues.org/641> ; DOI : 10.4000/ejppap.641. 22 p.
17. Walsh W. H. Philosophy Of History: An Introduction. New York: Harper and Row, 1968. 215 p.
18. White H White H. The Question of Narrative in Contemporary Historical Theory // History and Theory, V. 23, № 1 (Feb., 1984). P. 1–33.
19. White H. The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1987. 244 p.

**ANALYTICAL AND SPECULATIVE PHILOSOPHY OF HISTORY:
FROM CONFRONTATIONS TO THE IDEA OF COEXISTANCE**

B.L. Gubman

Tver State University, Tver

The article examines the attitude of the Anglo-American analytical philosophy of history to the tradition of speculative understanding of the past developed in the format of the classical thought of Modernity. The main set of critical arguments addressed to the speculative philosophy of history doctrines by their opponents, adhering to the analytical platform, is analyzed. Particular attention is paid to the discussion on the status of speculative-metaphysical assumptions in the process of historical writing conducted by the theorists of the narrativist trend in the Anglo-American analytical philosophy of history. The transition of a number of leading representatives of this trend towards the perception of the acceptability and significance of the "revival" of speculative philosophy of history within the analytical tradition is viewed as a significant trend in the evolution of their views.

Keywords: *speculative philosophy of history, analytical philosophy of history, analysis of historical situations, narrative, revival of speculative philosophy of history, idea of history, historical imagination, synthesis of philosophy and history.*

Об авторе:

ГУБМАН Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: gubman@mail.ru

Author information:

GUBMAN Boris Lvovich – PhD, Professor, Chair of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: gubman@mail.ru